

Глава 5. Мир в зеркале

В комнате было тихо. Местная Система превзошла саму себя: апартаменты, возникшие буквально из ниоткуда, прямо за сорванными обоями, ни в чём не уступали люксу в пятизвёздочном отеле.

И Цяньвань стоял у стола, скрестив руки на груди. В высоком зеркале напротив отражалась его стройная, подтянутая фигура. Рукава чёрной рубашки были закатаны до предплечий, открывая крепкие, рельефные мышцы. Воротник, избавленный от галстука, лежал небрежно и свободно.

В его взгляде читалась усталость — если присмотреться, на белках виднелась сеточка тонких красных сосудов, следствие бессонной ночи. Но знаменитый Киноимператор, вопреки слухам о своей смертельной сонливости, спать явно не собирался.

Он молча смотрел чуть в сторону, где на невероятно мягком диване сидел Гу Вэй. С завязанными глазами и стянутыми за спиной запястьями.

Стоило им переступить порог, как И Цяньвань лично довёл его до дивана и усадил. Шёлковый галстук, послуживший повязкой, оказался на редкость плотным и не пропускал ни единого луча света.

Перед глазами стояла крошечная тьма. Ладно бы ослепнуть по-настоящему, но терпеть эту вынужденную слепоту было чертовски неприятно.

В апартаментах царил безмолвие. Казалось, в помещении остался один лишь Гу Вэй. И Цяньвань замер где-то поблизости, беззвучно, словно изваяние. Судя по всему, нарушать тишину он не спешил.

Живой человек — не зеркало, его так просто не разобьёшь. Зато с ним можно развлечься как-нибудь иначе.

— Десять ми... — Гу Вэй запнулся на полуслове. Что-то было не так.

Когда глаза завязаны, чувства обостряются до предела. Ноздрей коснулся едва уловимый, призрачный запах крови и сырости, а воздух вокруг неуловимо остыл.

И следом у самого уха раздалось тихое, почти неосознаваемое дыхание.

Кто-то стоял прямо за его спиной.

Что ещё за дрянь? Под шёлковой повязкой он опасно прищурился.

И Цяньвань бесстрастно наблюдал за женщиной в окровавленном платье, соткавшейся прямо у дивана. Тварь медленно подняла голову и уставилась на него пустыми, безжизненными глазницами.

Обычно в выкупленных им апартаментах всякая дрянь не водилась. Но сегодня случай был особый. Раз уж он притащил сюда Гу Вэя, их убежище больше не могло оставаться неприкосновенным.

Она медленно склонилась над диваном, едва не касаясь кончика носа Гу Вэя своим мертвенно-бледным лицом.

В этот момент парень резко повернул голову навстречу опасности, сокращая расстояние до минимума. От такой наглости мертвячка даже опешила.

— Кем бы ты ни была, отвали! Дотронешься — убью на хрен!

Его голос буквально сочился ядовитой злобой, без тени страха.

От такого напора призрак впал в ступор. Даже И Цяньвань, наблюдавший за сценой со стороны, слегка удивился.

Пока тварь соображала, что к чему, Гу Вэй пружинисто взвился с дивана. Ориентируясь исключительно на слух и запахи, он ловко обогнул мебель и в пару шагов безошибочно очутился рядом с Киноимператором.

— Десять миллионов, защити меня! Быстрее!

И Цяньвань, только что оценивший его свирепый оскал, промолчал.

Застывшая у дивана окровавленная тварь тоже лишилась дара речи.

То, как парень усердно пытался спрятаться за чужую широкую спину, начисто перечёркивало его недавнюю кровожадность.

Киноимператор опустил взгляд с завязанных глаз парня на его губы. Яркие, сочные... Разве так выглядят от страха?

Мужчина лениво выпрямился. Будь здесь Чжуан Чжуан, его челюсть наверняка встретила бы с полом: вечно ледяной Киноимператор сейчас едва заметно улыбался.

И Цяньвань, не убирая рук из-под груди, слегка наклонился вперёд. Вглядываясь в узел собственного галстука на чужом лице, он неторопливо процедил:

— Ты уверен, что именно я должен тебя защищать?

Огромное ростовое зеркало отражало их фигуры, застывшие в опасной близости друг от друга. Ослеплённый Гу Вэй слегка вскинул подбородок, а И Цяньвань смотрел на него сверху вниз.

В шоу-бизнесе хватало смазливых лиц. Но людей с такой безупречной эстетикой, когда случайный кадр без всякой обработки просился на постер высокобюджетной драмы, можно было пересчитать по пальцам.

— Чисто из соображений гуманности... Протяни руку помощи слабому, несчастному и незащищённому младшему коллеге, а? — Гу Вэй заговорил о собственной беспомощности на удивление легко.

И Цяньвань едва заметно улыбнулся. Подняв взгляд на объектив системной камеры, он небрежно указал подбородком на вновь изготовившуюся к броску тварь:

— Я покупаю её жизнь. А расхлёбывать последствия будет он.

Не успело эхо его слов затихнуть, как летящий к ним призрак стёрся из реальности, точно рисунок ластиком. Миг — и нет её.

В ту же секунду все камеры в здании заговорили в унисон:

[Главный герой Гу Вэй выкупил жизнь Жертвы №2. Воскрешение Жертвы №2 отменено]

Столпившиеся в коридоре вокруг Чжун Лю актёры ошарашенно переглянулись.

Она что, могла воскреснуть? Её и впрямь нельзя убить обычным кирпичом?

Но погодите... Как это «выкупил»? Откуда у него золотые монеты?

Взгляды присутствующих невольно скрестились на запертой двери.

Камеры зажужжали снова:

[Главный герой активировал скрытый уровень «Мир в зеркале»]

[Награда за прохождение: Средство связи]

[В случае провала...]

Динамики зашипели. Система словно на секунду задумалась, перенастраивая параметры, а затем выдала ровный, бездушный синтезированный голос:

[Вечное пребывание в «Мире в зеркале»]

Эта зловещая пауза дала понять каждому: Система, наблюдающая за ними через объективы, из кожи вон лезет, лишь бы поскорее избавиться от Гу Вэя. Ради этого она переписывала правила прямо на ходу.

Когда Чжун Лю ворвался в апартаменты, И Цяньвань неторопливо смаковал красное вино. Помощник директора огляделся по сторонам: парня в комнате уже не было.

Проследив за взглядом Киноимператора, Чжун Лю посмотрел на ростовое зеркало, и у него едва не подкосились колени.

— Этот «Мир в зеркале»... — парень шумно втянул воздух сквозь зубы. — Какого чёрта его сразу забросило в такое пекло?

Насколько кошмарны твари, обитающие по ту сторону стекла, они знали слишком хорошо — на памяти Чжун Лю там сгинул не один ветеран. По сравнению с нынешним безумием, прежние системные правила казались верхом милосердия. Тогда новичков хотя бы не швыряли в бездну с порога.

— Послушай, — растерянно пробормотал Чжун Лю, — а почему Система вообще распечатала уровень «Центральная больница»?

Ещё во время своего первого прохождения он наслушался баек об этой локации. И каждый, кто заводил о ней разговор, менялся в лице от ужаса. Все как один твердили:

«Центральная больница — это братская могила... Живым оттуда никто не уходит».

И Цяньвань наконец удостоил помощника ленивым взглядом.

— Без понятия, — сухо отозвался он. — Моё прохождение строилось совсем по другому сценарию.

Чжун Лю уныло замолчал. Ему и самому сейчас не помешал бы бокал чего-нибудь покрепче, чтобы унять дрожь в руках.

— Я тоже выкуплю... — протянул он, закатав рукав, но стоило ему разглядеть свой баланс на коже, как всякая жалость к бедному Гу Вэю испарилась без следа.

— Да ладно! Твою же мать, куда делись мои монеты?! Я же даже на комнату тратиться не стал!

Золотые монеты: 1.

На бледной коже сиротливо красовалась одна-единственная, лысая единица.

И Цяньвань одарил помощника выразительным взглядом, предоставляя ему возможность пошевелить собственными мозгами.

Чжун Лю с силой хлопнул себя ладонью по лбу.

— Чёрт... Я же впервые отыгрываю роль персонажа постановки. Кажется, теперь я понял, почему ты держишься от актёров подальше.

И дёрнул же его чёрт за язык лезть к тем бедолагам с разговорами! Неужели непонятно: чем больше болтаешь, тем крупнее штрафы?

Помощник директора, сокрушаясь о своей глупости, забился в угол комнаты и ушёл в глубокую депрессию.

Спустя пару минут он осторожно выглянул из-под локтя и с плаксивой миной пролепетал:

— Брат, ну как у тебя рука поднялась выкупить жизнь обычного системного моба? Это же бешеные бабки! Лучше бы ты мне... — «...комнату подогнал», — мысленно закончил он. От неё хоть польза есть. А сливать целое состояние на призрака — это уже за гранью разумного!

Впрочем, нет. Дело ведь было совсем не в мобе. За весь год знакомства с И Цяньванем Чжун Лю ни разу не видел, чтобы тот раскошеливался ради кого-то другого. Здесь золотые монеты ценились на вес золота, они буквально заменяли жизнь. И слить их вот так просто?

— Брат, это как-то совсем не вяжется с твоими принципами.

И Цяньвань лениво засунул руку в карман брюк и пригубил вино. Его взгляд по-прежнему был прикован к зеркальной глади.

— М-м, — небрежно обронил он. — Наверное, только сегодня осознал, насколько я неприлично богат.

Чжун Лю подавился воздухом.

Глядя на сиротливый символ «1» на собственном предплечье, он почувствовал, как к горлу подступает горький ком обиды.

Вокруг сомкнулась тьма.

И дело было вовсе не в плотном галстук на глазах. Мир вокруг просто перестал существовать — исчезла сама концепция света, уступив место первозданной, удушливой черноте.

Раздался сухой щелчок, словно где-то высекли искру, и во тьме затеплился слабый язычок пламени. Мёртвый воздух пришёл в движение.

В уши хлынул невнятный шепоток. Голоса множились, накатывали волнами, обретая пугающую чёткость:

— Оно угасает... Нам больше нечем его кормить.

— Но поглядите, к нам ведь пришёл живой сосуд!

— Не смей! С его помощью мы выкупим свободу!

— Отдайте его мне. Я хочу наружу, я дышаю от голода...

— Нет, он мой! Здесь так темно и холодно...

— Я тоже хочу кусочек.

— И мне...

Детские, старческие, женские и мужские голоса сплетались в хаотичный гул, безжалостно бьющий по барабанным перепонкам. Эти интонации были мёртвыми, иссушенными, словно трухлявая древесина. От них веяло могильным холодом, и они резали слух, как когти, яростно скребущие по бетонной штукатурке.

Гу Вэя мучило от этого шума. Но ещё невыносимее было то, что со связанными руками он не мог даже заткнуть уши.

Внезапно разноголосица оборвалась.

Тьма вокруг пришла в движение. Невидимые существа медленно закружили вокруг парня. Шорох шагов множился, кольцо сжималось.

— Раз уж мы не можем договориться, давайте поделим его по частям.

— Чур, я первый выбираю! Мне его лицо!

— Тогда мне его левую руку.

— На запястьях следы от верёвок, фу. Лучше я заберу его ноги. Глядите, какие длинные и стройные!

— Не жирно ли тебе будет? На всех не хватит. Давай тебе правую, а мне левую.

Оказавшись в кольце неведомых тварей с завязанными глазами и стянутыми за спиной руками, Гу Вэй искренне посочувствовал их дилемме и решил подкинуть им дельный совет:

— Ребята, делить тело на столько долей — курам на смех. Сделайте проще: убавьте численность. Устройте махач, и пусть победитель забирает всё. Имейте хоть каплю амбиций, а?

Стоящий у зеркала Чжун Лю ошарашенно захлопал глазами.

— Видал я безумцев, но чтобы настолько... — пробормотал он.

Парень рассуждал с таким завидным хладнокровием, словно делить на куски собирались не его, а соседа по палате. Помощник директора с сомнением обернулся к И Цяньваню:

— И что, это сработает? Думаешь, эти твари поведутся?

Как ни странно, совет пришёлся нечисти по душе.

В глубине зеркала воцарилось секундное замешательство.

— А ведь верно... С какой стати мне делиться с вами?

— Слышь, ты на кого батон крошишь?

— Не согласен? Иди сюда, разберёмся!

— Ну давай, сука, давай!

По ту сторону стекла раздались звуки яростной борьбы.

Внезапно тусклый огонёк вспыхнул с новой силой, словно получив щедрую порцию топлива, и разгорелся в настоящее бушующее пламя.

Вот только картина в ростовом зеркале выглядела сюрреалистично: эта свора нечисти устроила дикий, безумный брейк-данс.

Воздух застилала багровая дымка, во все стороны летели брызги крови.

Это был танец смерти — неопишимо жестокий.

Потоки крови служили пищей для костра, заставляя багровое пламя взмывать до самого потолка.

Чжун Лю поспешно отвернулся от стекла. Его передёрнуло.

— Хорошо хоть, у него глаза завязаны, — выдохнул он.

Прекрасно зная, что перед ним лишь бесплотные призраки, помощник директора всё равно не мог без содрогания смотреть на эту кровавую баню.

Чжун Лю поднял взгляд на безмолвного И Цяньваня:

— Он связан по рукам и ногам, абсолютно слеп...

На полуслове парень осёкся. Те знаменитости, что толпились в коридоре и успели обогнуть его до нитки, судорожно цеплялись за жизнь. Но среди всей этой разношёрстной братии лишь парень за стеклом действовал вопреки всякой логике. И если кто-то и мог выкарабкаться из этой проклятой больницы, то только он. Но всё же...

— Он ведь уже не выберется, да? — тихо пробормотал Чжун Лю, и в его глазах промелькнула искренняя жалость.

И Цяньвань не выразил ни единой эмоции. Он оставался безучастным.

И в этот миг Чжун Лю наконец отчётливо понял, почему Киноимператор никогда, ни при каких обстоятельствах не позволял себе сближаться с прибывающими актёрами.

<http://bllate.org/book/18225/1751881>